

Кудряшов И. В. Еще раз к вопросу о титуле А. С. Пушкина «солнце русской поэзии» // И. В. Кудряшов // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 155—163. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-155-163.

Kudryashov, I. V. (2019). Once again to the Question of the Title of A. S. Pushkin "the Sun of Russian Poetry". *Nauchnyi dialog*, 11: 155-163. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-155-163. (In Russ.).

УДК 82.09“18”+821.161.1Пушкин.093

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-155-163

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ТИТУЛЕ А. С. ПУШКИНА

«СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ»

© Кудряшов Игорь Васильевич (2019), orcid.org/0000-0001-7022-3830, ResearcherID J-7391-2019, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Россия), kiv.arz@yandex.ru.

Статья посвящена анализу образного определения значения Пушкина как «солнца русской поэзии» из краткого извещения о смерти А. С. Пушкина, напечатанного 30 января 1837 года в 5-м номере «Литературных прибавлений» — приложении к газете «Русский инвалид». Отмечается, что неформальный титул «солнца» национальной литературы Пушкин получил еще при жизни благодаря критику В. Г. Белинскому, который в «Литературных мечтаниях» (1834) первым провел образное сравнение значения влияния творчества поэта 20-х годов XIX века, бывшего «верховным главою» в литературе того времени, на развитие русской словесности с воздействием солнца на землю и земную жизнь. Провозглашенный Белинским в «Литературных мечтаниях» «конец «пушкинского периода» и общее стремление литературных кругов к созданию национальных кумиров послужили основанием для титулования Пушкина в русской критике 1834—1837 годов. Однако многочисленные титулы, которыми авторы статей щедро награждали Пушкина при жизни, не укрепились в национальном сознании так прочно, как «высокое титуло», данное поэту Белинским в «Литературных мечтаниях», благодаря прижизненной славе и любви народа к своему поэту, его национальной жизнестойкости и центральности в русской культуре уже того времени. Автор статьи делает акцент на том, что в свете этой позиции использованное в некрологе В. Ф. Одоевским образное определение значения Пушкина как «солнца русской поэзии» в сущности воспроизводит уже укоренившийся в национальном сознании неформальный титул великого поэта как «солнца» национальной литературы, которым первым из критиков наградил Пушкина Белинский.

Ключевые слова: Пушкин; Белинский; Одоевский; некролог; «Литературные мечтания»; литературный титул; «солнце поэзии»; литературная критика.

1. Вводные замечания

В научной литературе утвердилась точка зрения, согласно которой источником устойчивого образного сравнения А. С. Пушкина с «солнцем русской поэзии» стал текст краткого извещения о смерти поэта, напечатанный 30 января 1837 года в 5-м номере «Литературных прибавлений» — приложении к газете «Русский инвалид». Авторство этих нескольких трогательных строк о смерти Пушкина принадлежит литератору В. Ф. Одоевскому [Заборова, 1956, с. 320—328], которому, вероятно, «выражение “солнце нашей поэзии закатилось” было навеяно другим, весьма схожим, из “Истории государства Российского” (т. 4, гл. 2) Н. М. Карамзина. Там историк повествует, как на Руси восприняли весть о смерти Александра Невского в 1263 г. Митрополит Киевский Кирилл, “сведав о кончине великого князя <...>, в собрании духовенства воскликнул: “Солнце отечества закатилось”» [ЭСКСВ, 2005, с. 717]. Указывается так-

же, что первоисточником для Карамзина послужил памятник русской литературы второй половины XVI века «Степнная книга», в которой эта фраза из уст митрополита Киевского Кирилла звучит как «уже заиде солнце земля Русьскія» [Там же].

Текстуальное сближение определения значения Пушкина, данного в некрологе Одоевским, со словами митрополита Киевского Кирилла «солнце отечества закатилось» из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, восходящими к «Степнной книге», на наш взгляд, объясняется общим библейским первоисточником.

В статье «Об источниках образного определения А. С. Пушкина как “солнца поэзии”» нами ранее было установлено, что семантика образного определения значения Пушкина как «солнца русской поэзии» восходит у В. Ф. Одоевского к Библии, в которой символика солнца имеет тождественные извещению коннотации [Кудряшов, 2019]. Также нами было отмечено, что значимым источником образа «солнца поэзии» в некрологе Одоевского выступает и творческое наследие самого Пушкина, в котором дневное светило предстает величественным, сакральным источником жизни, преисполненным истинной Божественной мудрости, несущим людям радость и счастье и указующим спасительный путь [Там же].

В то же время ранее выявленные и проанализированные нами возможные источники образного определения А. С. Пушкина как «солнца поэзии» не исключают, а скорее обозначают образовавшийся некий пробел знаний о существенном влиянии прижизненной литературно-критической оценки поэта, наградившей его неформальным литературным титулом «солнца русской поэзии». Это «высокое титло» Пушкина, укоренившееся в национальном сознании, впоследствии и было использовано В. Ф. Одоевским в тексте некролога Пушкину.

2. А. С. Пушкин в «Литературных мечтаниях» В. Г. Белинского: обретение титула

Первым критиком, использовавшим образное сравнение Пушкина с «солнцем поэзии», был В. Г. Белинский. В «Литературных мечтаниях», опубликованных в «Молве» с сентября по декабрь 1834 года, он, провозглашая конец «пушкинского периода» русской словесности, продолжавшегося десять лет и «внезапно оборвавшегося» тридцатым годом, писал о современной ему литературе: «Итак, настал новый период словесности. Кто же явился главою этого нового, этого *четвертого* периода нашей недорослой словесности? Кто, подобно Ломоносову, Карамзину и Пушкину, овладел общественным вниманием и мнением, самодержавно правил последним, положил печать своего гения на произведения своего времени, сообщил ему жизнь и дал направление современным талантам? Кто, говорю я, *явился солнцем этой новой мировой системы?* (выделено нами. — *И. К.*) Увы! никто, хотя и многие претендовали на это высокое титло» [Белинский, 1953, с. 89—90]. «Высокое титло» (то же, что титул), о котором пишет в «Литературных мечтаниях» В. Г. Белинский, — это почётное звание самого значимого писателя, первого литератора, «верховного главы» того или иного периода русской словесности, сумевшего завладеть общественным сознанием и своим гением определить дальнейших ход истории отечественной словесности. По мнению критика, русская литература, начавшаяся с Ломоносова, уже прошла три периода в своем развитии и вступила в четвертый. Первым трем периодам национальной словесности Белинский дает име-

на главенствующих в них литераторов: Ломоносова, Карамзина и Пушкина. С легкого пера именно критика Белинского эти русские писатели получили официальные звания «верховных глав» выделенных им этапов национальной литературы и одновременно с этим, благодаря использованному критиком образному сравнению, неформальные титулы «солнца» мировой системы, «но мира русского, но человечества русского» [Там же, с. 72], то есть солнца русского литературного мира. Яркое и запоминающееся сравнение Белинским влияния первых литераторов того или иного времени на национальное сознание и словесность с воздействием солнца на землю и земную жизнь отличается предельной точностью и выразительностью, характеризую то колоссальное и всеобъемлющее значение, которое эти литераторы, являясь наилучшими выразителями своего времени, имели на национальную жизнь в целом и русскую словесность, в частности.

Обратим внимание, что в отличие от Ломоносова и Карамзина литературный титул «верховного главы» национальной словесности (вместе с его неформальным образным аналогом «солнца русского мира») поэт Пушкин получает при жизни, будучи еще далеко не старым человеком, находясь в расцвете лет. Белинский, провозглашая в 1834 году, что Пушкин «умер», подчеркивал «горькую» утрату главенствующей роли поэта в современной ему литературе, а отнюдь не смерть его творческой сущности. Именно поэтому в «Литературных мечтаниях» критик не теряет надежды на возможное скорое «воскресенье» поэта, но уже в ином качестве, как «верховного главы» уже нового, высшего в своем развитии, четвертого этапа национальной словесности: «Теперь мы не узнаём Пушкина; он умер или, может быть, только обмер на время. Может быть, его уже нет, а может быть, он и воскреснет; этот вопрос, это гамлетовское *быть или не быть* скрывается во мгле будущего. <...> И однако ж не будем слишком поспешны и опрометчивы в наших заключениях, предоставим времени решить этот запутанный вопрос. О Пушкине судить не легко» [Там же, с. 73]. Пушкин получает от критика свой высокий титул хоть и при жизни, но всё же за прежние заслуги — за продолжавшееся почти ровно десять лет «владычество» в литературе, в которую поэт привносил «жизнь и деятельность» [Там же, с. 98]. Провозглашение В. Г. Белинским в «Литературных мечтаниях» конца «пушкинского периода» и награждение им поэта высоким титулом «верховного главы» («солнца» русского литературного мира) воспринимались русской публикой как нечто само собой разумеющееся, так как чуткий критик лишь «выразил всеобщее убеждение в распаде великой поэтической системы, основания которой были заложены в XVIII в., и которую Пушкин довел до предельного совершенства» [Гинзбург, 1936, с. 154]. Ни теряющие интерес к пушкинскому творчеству читатели, ни усиливающие свою враждебность литературные оппоненты Пушкина не оспаривали прежние заслуги первого национального поэта, его главенствующую роль в литературе 20-х годов, что также способствовало обретению Пушкиным высокого литературного титула, который позже, ко времени гибели поэта в национальном сознании, достаточно прочно закрепится за его родовым именем.

3. А. С. Пушкин в литературно-общественном сознании 1834—1837 годов: утверждение титула

Литературная критика 1834—1837 годов не единожды проводила образные сравнения Пушкина, то и дело награждая его неформальными литературными

титулами. Например, вошедший в обиход у критики пушкинский титул «Протей в словесности» подчеркивал разносторонность поэтического таланта Пушкина (См.: Греч Н. И. «Письмо в Париж, к Якову Николаевичу Толстому» (1834), Межевич В. С. «О народности в жизни и в поэзии» (1835)); титул «коновода, или воеводы русской литературы», несмотря на его иронический подтекст, свидетельствовал о главенствующей роли поэта среди многочисленных сподвижников (Булгарин Ф. В. «Настоящий момент и дух нашей литературы» (1836)); а титул «вельмож русской словесности» говорил о всенародной славе поэта и принадлежности его к высшему слою литературной знати (Сенковский О. И. «Востола, или Желания». Повесть в стихах, сочинения Виланда. Издал А. Пушкин» (1836)). Конечно же, приведенные нами примеры — это далеко не полный перечень титулований пушкинского таланта (точнее, той или иной его грани), предложенных литературной критикой еще при жизни поэта, непосредственно после провозглашения Белинским завершения «пушкинского периода» в литературе, но важно другое: сам факт активного поиска универсального титула (титулования) пушкинскому феномену, который бы в полной мере выразил значение национального гения.

После публикации «Литературных мечтаний» в 1834 году титулование Пушкина оппозиционной критикой в большей степени представляло собой своего рода попытку подвести черту, дать оценку творческому наследию и повесить «ярлык» на могильный памятник еще не умершего поэта. В этом отношении весьма показательна статья О. И. Сенковского «Вообще нет ничего нового в политическом свете...», опубликованная им без заглавия и подписи в 4 номере журнала «Библиотека для чтения» за 1836 год. Литературный оппонент Пушкина, журналист и писатель, профессор арабской словесности г. Сенковский, по всей видимости, иронизируя над пушкинским титулом «солнца» литературы, которым Белинский наградил поэта, делает против Пушкина публичный выпад, используя в статье образное сравнение решившего заняться редакторско-издательской деятельностью «поэтического гения первого разряда» с «затмением одной из слав народа» [Пушкин в прижизненной..., 2008, с. 122].

В русской критике 30-х годов стало расхожим именование знаменитых национальных поэтов, в том числе и Пушкина, *светилами*. Основное лексическое значение этого многозначного слова близко лексическому значению слова *солнце*. Как правило, слово *светило*, относящееся к высокому стилю, употребляется критиками в переносном значении ‘человека знаменитого, известного своей выдающейся деятельностью на каком-нибудь поприще’ [СЯП, с. 292]. Титулом «светил» русская критика щедро награждала всех сколь-либо популярных литераторов того времени, в том числе многократно наделяла им, конечно же, и Пушкина. Н. В. Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (1836) употребляет, например, образное выражение «светила русского Парнаса» [Гоголь, 1952, с. 162], называя так лучших отечественных поэтов, печатавшихся некогда на страницах «Библиотеки для чтения», в числе которых был, как известно, и Пушкин. Титул «светило» по аналогии с небесным телом, излучающим свет (собственный, как центральное небесное светило нашей планетной системы Солнце, или отражённый, как звезды и планеты) не характеризует индивидуальное значение и место того или

иного автора в истории русской словесности, а лишь свидетельствует об овевании лучами славы литераторов, выделяющихся на общем фоне писательского сословия. В отличие от высокого титула «солнца» национальной словесности, которым Белинский «пожаловал» Пушкина, указав тем самым на его центральное, главенствующее положение в литературе, на жизнестворность его поэзии, пушкинский титул «светило» уместнее было бы называть шаблонным, клишированным критикой именованном поэта, которым, заметим, критика и публика в то время в обилии награждала всех литераторов, в том числе и молодых, только начинающих свой путь на поприще словесности. Анализируя отношение Пушкина в 20-е годы к возвеличиванию заслуг молодых писателей, исследователь Р. В. Иезуитова справедливо отметила, что в 30-е годы XIX века получило особенно характерное развитие «стремление определенных литературных кругов к созданию модных кумиров, мнимых гениев, пигмеев на пьедестале славы» [Иезуитова, 1969, с. 71]. Отношение Пушкина к многочисленным собственным титулам («наш великий поэт», «первый поэт России», «блистательная звезда первой величины», «песнопевец Кавказа, Полтавы и побед Паскевича и Ермолова», «любимец муз» и др.) и титулованию русской критикой и публикой писателей вообще, которое на национальной почве приняло особую форму и получило клишированный вид, проясняет его черновой набросок статьи о Баратынском в связи с выходом в свет его поэмы «Бал» (1828), в котором содержится однозначная оценка Пушкиным этого «безвредного» явления, демонстрирующего лишь «смешное» добродушие и поверхностность суждений авторов критических статей: «Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики — напротив. Едва заметим в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оно, уже тотчас спешим приветствовать его титулом гения, за гладкие стишки — нежно благодарим его в журналах от имени человечества, неверный перевод, бледное подражание сравниваем без церемонии с бессмертными произведениями Гёте и Байрона» [Пушкин, 1978, с. 58]. И к своим, и к чужим неформальным титулам Пушкин всегда относился с добродушной иронией, проповедуя творческое кредо, что «истинный талант доверяет более собственному суждению, основанному на любви к искусству, нежели малообдуманному решению записных Аристархов» [Там же, с. 58—59].

Оппозиционной критикой журналов «Библиотека для чтения» и «Северная пчела» в 1836 году была предпринята попытка разжаловать Пушкина, лишив его укрепившегося в литературных кругах титула «солнца» национальной литературы, и присвоить ему новое (точнее, обновленное) неформальное литературное имя «светила, в полдень угасшего». Корни этого пушкинского титула восходят к «Литературным мечтаниям» Белинского, который первым образно сравнил поэта с солнцем. В последний год жизни Пушкина именно этот образ послужил основой для возникновения титула-перифразы «светило, в полдень угасшее», недоброжелательное, саркастическое значение которого, заметим, кардинально разнится со смелой критической оценкой Белинским великого поэта. Замена «высокого титула» «солнца» расклишированным, а потому утратившим свое высокое значение, титулом затмившегося «светила» — это попытка литературных недругов Пушкина лишить его почетного звания и «свер-

гнуть с пьедестала», о которой в середине октября 1836 года, будучи в Крыму, писал В. Ф. Одоевский в статье «О напаках петербургских журналов на русского поэта Пушкина». Непосредственным поводом для ее написания послужила статья, опубликованная в «Северной пчеле»: «...Пушкин свергнут с престола (détrôné),— кем? неужели “Северной пчелою”? Нет! это уже слишком!.., как? Пушкин, эта радость России, наша народная слава, Пушкин, которого стихи знает наизусть и поет вся Россия, которого всякое произведение есть важное событие в нашей литературе, которого читает ребенок на коленях матери и ученый в кабинете, — Пушкин, один человек, на которого сама “Северная пчела” с гордостью укажет на вопрос иностранца о нашей литературе, Пушкин разжалован из поэтов “Северною пчелою”»? [Одоевский, 1981, с. 251—252].

Обратим внимание, что в критических публикациях о Пушкине отсутствует цитата «светило, в полдень угасшее». Она, как известно, была позаимствована пушкинистами в середине XX века из письма С. Н. Карамзиной, адресованного брату Андрею от 24 июля 1836 года [Пушкин в письмах ..., 1960, с. 81]. Однако данная фраза вошла в научный обиход, поскольку образно и точно характеризовала общий тон критических нападок на Пушкина того времени, содержащихся в статьях «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы», став их своеобразной квинтэссенцией. В то же время обратим внимание на текстовое сближение характеристики Карамзиной с оценкой публикации о Пушкине О. И. Сенковского 1836 года «Вообще нет ничего нового в политическом свете...», в которой критик писал о «затмении одной из слав народа» — угасшем сиянии поэтического гения Пушкина, решившего обратиться к журнальной деятельности.

Исследователь И. З. Сурат в книге «Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах» справедливо отметила, что «еще современники увидели в Пушкине солнце, признав за ним центральное положение в культуре и еще многое признав, что вмещает в себя этот всем понятный образ. Даже когда говорили об угасании таланта Пушкина (“светило, в полдень погасшее”), все же бесспорным оставалось его царственное место в русском сознании» [Сурат, 2009, с. 440]. Титул «солнца» национальной словесности, которым Белинский наградил Пушкина, несмотря на предпринимавшиеся критикой попытки его свержения с пьедестала и заметное охлаждение публики к его творчеству, утвердился в национальном литературно-общественном сознании 1834—1837 годов. В трагический час кончины Пушкина именно этот утвердившийся при жизни поэта высокий титул «солнца» будет использован В. Ф. Одоевским в кратком извещении о смерти Пушкина: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!..» [Одоевский, 1837, с. 48]. При этом неформальное «высокое титло» в тексте некролога ставится им в соответствии с этикетом перед родовым именем поэта, в то время как его имя и отчество не называются. Титул Пушкина и его фамилия в национальном сознании, благодаря всенародной славе и любви, ко времени гибели поэта уже слились воедино настолько органично и нераздельно, что даже для извещения публики о его смерти не требовалось именованья умершего полным официальным именем. Его Одоевский в тексте некролога заменяет закрепившемся за именем поэта еще при жизни «высоким титлом» «солнца русской поэзии», которым в России был удостоен только один человек — русский поэт Александр Сергеевич Пушкин.

4. Заключение

Таким образом, в «Литературных мечтаниях», увидевших свет в 1834 году, В. Г. Белинский первым из критиков награждает А. С. Пушкина неформальным «высоким титулом» «солнца» национальной словесности, которым, помимо поэта, были удостоены также М. В. Ломоносов и Н. М. Карамзин. Титулование поэта русской критикой 1834—1837 годов выразило общее стремление литературных кругов к созданию национальных кумиров. Многочисленные титулы, которыми как дружественная, так и враждебно настроенная критика щедро осыпала Пушкина при жизни, не укрепились в национальном сознании так прочно, как утвердилось, благодаря прижизненной славе и любви народа к своему поэту, его национальной жизнелюбности и центральности в русской культуре уже того времени, «высокое титуло» солнца, данное поэту Белинским.

Начальная фраза некролога Пушкину В. Ф. Одоевского «Солнце нашей поэзии закатилось!», таким образом, по существу, воспроизводит уже укоренившийся в национальном сознании неформальный титул великого поэта как «солнца» словесности. Некролог Одоевского стал своеобразной вехой на пути к тому, что в XX веке уподобление Пушкина солнцу становится ритуальным [Загидуллина, 2001; Пяткин, 2010; Шеметова, 2011; Сараскина, 2018], а его литературный титул «солнце русской поэзии» укрепился в национальном сознании настолько, что стал общеизвестным фразеологизмом, всеобъемлюще и лаконично характеризующим феномен Пушкина.

Источники и принятые сокращения

1. ЭСКСВ — *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений* : Более 4000 статей / авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. — Москва : Локид-Пресс, 2005. — 880 с.
2. СЯП — *Словарь языка Пушкина* : В 4 т. Т. 4: С-Я / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. — 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — Москва : Азбуковник, 2000. — 1232 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : В 13 т. Т. 1. Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829—1835 / В. Г. Белинский ; ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред) [и др.]. — Москва : Изд-во АН СССР, 1953. — 574 с.
2. *Гинзбург Л. Я.* Пушкин и Бенедиктов / Л. Я. Гинзбург // Пушкин : Временник Пушкинской комиссии. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. — [Вып.] 2. — С. 148—182.
3. *Гоголь Н. В.* О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году / Н. В. Гоголь // Полное собрание сочинений : [В 14 т.]. — [Москва ; Ленинград] : Изд-во АН СССР, 1952. — Т. 8. Статьи. — С. 156—176.
4. *Заборова Р. Б.* Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине / Р. Б. Заборова // Пушкин : Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Москва ; Ленинград : Наука, 1956. — Т. 1. — С. 313—342.
5. *Загидуллина М. В.* Пушкинский миф в конце XX века / М. В. Загидуллина. — Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2001. — 243 с.
6. *Иезутова Р. В.* Пушкин и эволюция романтической лирики в конце 20-х и в 30-е годы / Р. В. Иезутова // Пушкин : Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени. — С. 60—97.

7. Кудряшов И. В. Об источниках образного определения А. С. Пушкина как “Солнца поэзии” / И. В. Кудряшов // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17, № 2. — С. 67—85.
8. Одоевский В. Ф. Извещение о смерти А. С. Пушкина / В. Ф. Одоевский // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». — 1837. — № 5 (30 янв.). — С. 48.
9. Одоевский В. Ф. О нападках петербургских журналов на русского поэта Пушкина / В. Ф. Одоевский // Сочинения. В 2 т. Т. 1. Русские ночи; Статьи / вступит. статья, сост. и коммент. В. И. Сахарова. — Москва : Худож. лит., 1981. — С. 249—255.
10. Пушкин А. С. «Бал» Баратынского / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : В 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. — С. 58—61.
11. Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); [Под ред. Н. В. Измайлова]. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1960. — 436 с.
12. Пушкин в прижизненной критике, 1834—1837 / Ин-т русской лит. (Пушкинский дом) Российской акад. наук ; под общ. ред. Е. О. Ларионовой. — Санкт-Петербург : Гос. Пушкинский театральный центр, 2008. — 630 с.
13. Пяткин С. Н. Пушкин в художественном сознании Есенина : монография / С. Н. Пяткин. — Б. Болдино ; Арзамас: АГПИ, 2010. — 377 с. — (Серия «Монографии участников “Болдинских чтений”»).
14. Сараскина Л. И. Пушкинский миф в русской культуре : легенды, анекдоты, клише / Л. И. Сараскина // Художественная культура. — 2018. — № 4 (26). — С. 128—161.
15. Сурат И. З. Вчерашнее солнце : О Пушкине и пушкинистах / И. З. Сурат. — Москва : РГУ, 2009. — 652 с.
16. Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Т. Г. Шеметова. — Москва, 2011. — 47 с.

ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF THE TITLE OF A. S. PUSHKIN “THE SUN OF RUSSIAN POETRY”

© Igor V. Kudryashov (2019), orcid.org/0000-0001-7022-3830, ResearcherID J-7391-2019, Doctor of Philology, associate professor, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Arzamas Branch of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russia), kiv.arz@yandex.ru.

The article is devoted to the analysis of the figurative definition of the meaning of Pushkin as the “sun of Russian poetry” from a brief notice of the death of A. S. Pushkin, published on January 30, 1837 in the 5th issue of Literary Additions, an appendix to the newspaper “Russian Invalid”. It is noted that the informal title of “sun” of national literature Pushkin received during his life thanks to the critic V. G. Belinsky, who, in “Literary Dreams” (1834) was the first to make a figurative comparison of the influence of the poet of the 20s of the XIX century work, who was “supreme leader” in the literature of that time, on the development of Russian literature with the influence of the sun on earth and earthly life. The end of the “Pushkin period” proclaimed by Belinsky in “Literary Dreams” and the general desire of literary circles to create national idols served as the basis for Pushkin’s title in Russian criticism of 1834-1837. However, the numerous titles that article authors generously awarded Pushkin during his lifetime did not consolidate in the national consciousness as firmly as the “high title” given to the poet by Belinsky in “Literary Dreams”, thanks to the lifetime glory and love of the people for his poet, his national vitality and centrality in Russian culture at that time. The author of the article focuses on the fact that, in the light of this position, the figurative definition of Pushkin’s meaning “the sun of Russian poetry” used in the obituary by V. F. Odoevsky essentially reproduces the informal title of the great poet, already rooted in the national consciousness, as the “sun” of national literature, which was first of critics awarded to Pushkin by Belinsky.

Key words: Pushkin; Belinsky; Odoevsky; obituary; "Literary Dreams"; literary title; "sun of Russian poetry"; literary critic.

MATERIAL RESOURCES

- ESKSV — Serov, V. (ed.). (2005). *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy. Boleye 4000 statey*. Moskva: Lokid-Press. (In Russ.).
- SYaP — Vinogradov, V. V. (ed.). (2000). *Slovar' yazyka Pushkina (S-Ya)*. Moskva: Azbukovnik. 4/4. (In Russ.).

REFERENCES

- Belinskiy, V. G. (1953). *Polnoye sobraniye sochineniy. (Statyi i retsenzii. Khudozhestvennyye proizvedeniya). 1829—1835*. Moskva: Izd-vo AN SSSR. 13/1. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (1936). Pushkin i Benediktov. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii*. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 2: 148—182. (In Russ.).
- Gogol, N. V. (1952). O dvizhenii zhurnalnoy literatury v 1834 i 1835 godu. In: *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 14/8: 156—176. (In Russ.).
- Iezuitova, R. V. (1969). Pushkin i evolyutsiya romanticheskoy liriki v kontse 20-kh i v 30-e gody. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. 6: 60—97. (In Russ.).
- Izmaylov, N. V. (ed.). (1960). *Pushkin v pis'makh Karamzinykh 1836—1837 godov*. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. [Leningr. otd-nie]. (In Russ.).
- Kudryashov, I. V. (2019). Ob istochnikakh obraznogo opredeleniya A. S. Pushkina kak "Solntsa poezii". *Problemy istoricheskoy poetiki, 17 (2)*: 67—85. (In Russ.).
- Larionova, E. O. (ed.). (2008). *Pushkin v prizhiznennom kritike, 1834—1837*. Sankt-Peterburg: Gos. Pushkinskiy teatralnyy tsentr. (In Russ.).
- Odoevskiy, V. F. (1837). Izveshcheniye o smerti A. S. Pushkina. *Literaturnyye pribavleniya k «Russkomu invalidu»*, 5 (30 yanv.): 48. (In Russ.).
- Odoevskiy, V. F. (1981). O napadkakh peterburgskikh zhurnalov na russkogo poeta Pushkina. In: *Sochineniya. (Russkie nochi. Statyi)*. Moskva: Khudozh. lit. 2/1: 249—255. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1978). «Bal» Baratynskogo. In: *Polnoye sobraniye sochineniy. (Kritika i publitsistika)*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. 10/7: 58—61. (In Russ.).
- Pyatkin, S. N. (2010). *Pushkin v khudozhestvennom soznanii Yesenina*. B. Boldino; Arzamas: AGPI. (In Russ.).
- Saraskina, L. I. (2018). Pushkinskiy mif v russkoy kulture: legendy, anekdoty, klishe. *Khudozhestvennaya kultura, 4 (26)*: 128—161. (In Russ.).
- Shemetova, T. G. (2011). *Biograficheskiy mif o Pushkine v russkoy literature sovetskogo i postsovetskogo periodov: avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Surat, I. Z. (2009). *Vchershneye solntse: O Pushkine i pushkinistakh*. Moskva: RGGU. (In Russ.).
- Zaborova, R. B. (1956). Neizdannyye statyi V. F. Odoevskogo o Pushkine. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Moskva; Leningrad: Nauka. 1: 313—342. (In Russ.).
- Zagidullina, M. V. (2001). *Pushkinskiy mif v kontse XX veka*. Chelyabinsk: Chelyab. gos. universitet. (In Russ.).